

УДК 821.11
ББК 84(4Вел)
О 68

Dawn O'Porter
THE COWS

Перевела с английского
Анна Нефедова

Дизайнер обложки
Александр Андрейчук

О'Портер Д.

О 68 Коровы : [роман] / Дон О'Портер; [пер. с англ. А. Нефедовой]. — СПб. : Аркадия, 2018. — 528 с. — (Серия «CityGirl»).

ISBN 978-5-906986-22-1

Блестящий роман, заставляющий не только плакать и смеяться, но и задуматься о месте женщины в современном обществе, о ее традиционном предназначении, о женском бунте против устоявшихся правил и о том, как можно преодолеть самые, казалось бы, болезненные удары судьбы, повернув удачу в свою сторону.

«Коровы» — свежий взгляд на вопросы феминизма, иногда шокирующий, но всегда честный.

УДК 821.11
ББК 84(4Вел)

© Dawn O'Porter, 2017
© Издание на русском языке, перевод
на русский язык, оформление
ООО «Издательство Аркадия», 2018

ISBN 978-5-906986-22-1

Посвящается Крису и Арту

КОРОВА (сущ., ж.) — взрослая самка одомашненного вида крупного рогатого скота; разводится человеком в целях получения молока или мяса. Коровой начинают называть телку после того, как у нее появляется первый теленок.

Если вам нужен хороший кусок мяса, то выбирайте именно телятину, так как вкусовые качества мяса значительно снижаются в процессе вынашивания и рождения потомства.

Коровы — далеко не такие примитивные животные: они умеют дружить и даже влюбляться, могут испытывать страх, раздражение и бывают весьма злопамятны.

Коровам положено иметь стабильный гормональный фон, так как они все время либо беременны, либо дают молоко. Телка же — это просто тушка, потенциальное сырье для мясной продукции. Считается, что она больше ни на что не годится...

Некоторые люди (не все, конечно) усматривают здесь аналогию с человеческим обществом, и прежде всего с тем, как в нем относятся к женщинам.

Существуют разные типы женщин, но всем им приходится из кожи вон лезть, чтобы их не воспринимали просто как телок или коров. У женщин нет необходимости придерживаться определенных стереотипов. А у коров нет врожденной потребности следовать за пастухом.

1

Апрель, поздний вечер пятницы

ТАРА

Я вижу каплю пота на его лбу. Она набухает все сильнее — и вот уже катится вниз, оставляя мокрую дорожку на лице. Он почти готов, я чувствую это. Еще несколько моих тщательно выверенных фраз — и этот тип взорвется и выпалит именно то, что я хочу от него услышать. Он громко шмыгает и потирает нос крепко сжатым кулаком. Я думаю, он пытается стереть пот, но выглядит это так, словно он бьет себя кулаком в нос. И капля пота медленно скатывается все ниже, стекает с подбородка на шею и добирается до белоснежного воротничка, где тут же впитывается, превращаясь в небольшое пятнышко. Тем временем вторая капля вырастает из его лба, набухает и отправляется в путешествие вслед за первой. Он на пределе, я это вижу.

Вот уже больше трех часов мы сидим с ним вдвоем в маленькой спальне гостиницы «Холидэй Инн», расположенной прямо на съезде с шоссе М4. Я специально заказала номер с окнами на трассу, чтобы их можно было держать закрытыми, — во время нашей работы не должно быть никаких посторонних шумов. И теперь здесь, в номере, стоит просто адская духота, настоящее пекло. Сегодня, наверное, самый жаркий день в этом году, а мне пришлось

выключить кондиционер, опять же из-за посторонних шумов.

Он не сможет выдержать так долго. А я? Я вытерплю все, чтобы вытащить из него то, что мне нужно.

Он согласился дать мне интервью только при условии, что в номере, кроме него, будут только камера и я. Этот мерзкий подонок, похоже, забыл, что камера существует в основном для того, чтобы запечатлеть моменты, которые потом увидят миллионы.

Я уже несколько месяцев снимаю документальный фильм о сексуальном насилии на рабочем месте. Шейн Боуэр — управляющий директор компании «Боуэр Бедз», производящей кровати. Я опросила множество женщин из числа его подчиненных — и все они рассказывали мне о его грязных домогательствах. Вчера я преградила ему путь прямо у двери его дома в девять утра, когда он выходил на работу. Я бросила ему в лицо все эти обвинения и прямо спросила, что он может сказать по этому поводу. Он, конечно, ответил, что это все наглая ложь, и поспешил укрыться в машине. Я успела закинуть в нее свою визитку, инстинктивно почувствовав, что это сработает. И действительно, через два часа раздался телефонный звонок. Он спросил меня, о чем моя задача и чего я хочу. Я ответила, что снимаю короткий документальный фильм о сексуальном насилии для нового телешоу и хочу понять, обоснованы ли эти обвинения. Он еще раз опроверг все по телефону, но я возразила, что у меня много материала, свидетельствующего против него, и этих доказательств становится все больше, поэтому с его стороны было бы разумно попытаться оправдаться перед телезрителями, так как сюжет будет показан

в любом случае, даже без его участия. Услышав это, он согласился дать интервью тет-а-тет, в спальне.

Я позаботилась о том, чтобы на камеру попал момент, когда он заходит в комнату.

— Я абсолютно убеждена в вашей правоте, — раздается мой голос за кадром.

Чушь! Он лжив до мозга костей, от него даже воет какой-то мерзкой похотью.

— Я просто думаю, зрители очень удивятся, услышав, что ваши сотрудницы все поголовно рассказывают одну и ту же историю: как вы сначала просите женщину попрыгать на кровати, а потом прыгнуть в кровать вместе с вами.

— Хорошо, хорошо! Пожалуйста, не надо пересказывать это снова! — просит он, брызгая слюной. Кажется, что пот проступает из каждой поры его тела, а мокрое пятно расползается от краешка воротника все дальше по плечу... — Я люблю свою жену, — говорит он, но при этом я вижу неподдельный страх в его глазах. Я застала его врасплох, словно паука, который замирает, если вы ночью резко включите свет. Но если вы оставите свет включенным достаточно долго, то паук снова поползет. Ему придется поползти.

Камера продолжает тихо жужжать. А он даже не просит меня остановить ее. Я всегда поражаюсь этому моменту: еще секунду назад человек душил в себе правду всеми силами — и вот она уже бьет из него фонтаном, и чем мощнее этот фонтан, тем, кажется, легче становится говорящему. Он же в любой момент мог прекратить этот разговор и, изобразив возмущение, уйти, не предоставив мне никаких очевидных доказательств и оставив себе возможность как-нибудь вывернуться из этой щекотливой

ситуации. Но виновные очень редко ведут себя так, поэтому я просто даю такому человеку веревку, на которой он тут же «вешается».

— Мои дети... это вся моя жизнь... — бормочет он. Его губы дрожат, к поту и слюне примешиваются слезы... В этот момент мне очень хочется повесить ему слюнявчик или хотя бы дать носовой платок.

— Если вы чистосердечно во всем признаетесь, то, возможно, все еще наладится, — с деланным сочувствием произношу я. Конечно, я вырежу почти все свои реплики. В моем сюжете все будет выглядеть так, словно он сам взошел на эшафот.

И вот он предоставляет мне именно то, что я от него хотела: самый эффектный финал моего сюжета. О лучшем нельзя было и мечтать!

— Эти тупые сучки вели себя так, словно сгорали от нетерпения. Откуда мне было знать, что на самом деле они этого не хотели?

Вот и славненько!

Я отхожу от камеры, однако не выключаю ее (на случай, если он выдаст еще несколько перлов, способных украсить мой сюжет). Но по большому счету, мне уже все равно, что произойдет дальше. Я получила ровно то, что хотела — признание, эффектное завершение моего сюжета. Дальнейшее развитие событий — в руках полицейских. Я буду следить за криминальной хроникой.

И я еще успею пообедать. Нет, я все-таки настоящий профессионал!

— Готово! — восклицаю я и бросаю на стол босса карты памяти из видеокамеры.

— Да что ты! Он признался? — как всегда громко изумляется Адам. Его, конечно, пугает содержание

этой видеозаписи, а также то, что ему еще, чего доброго, придется меня похвалить или премировать.

— И еще как! Это было идеальное признание. Я раскрутила его. Я же говорила, что смогу.

— Ладно, Тара. Перестань вести себя как на съемках криминальной драмы. Раскрутить его на признание было не так уж и сложно.

— Не так уж и сложно?! Мне пришлось просидеть с ним вдвоем в закрытой комнате несколько часов, чтобы добиться своей цели. Это было совсем не легко!

Адам медленно встает из-за своего рабочего стола и, взяв с собой карты памяти, выходит из кабинета в главный зал. Он победно поднимает руку с зажатыми в кулаке картами и провозглашает: «Мы дожали его!» Раздаются аплодисменты, которые становятся все громче по мере того, как все осознают, что шоу, над которым мы так усердно трудились несколько месяцев, получило эффектное завершение. Я стою за спиной Адама и наблюдаю, как он с деланой надменностью принимает поздравления. И мне не хватает смелости набрать воздуха в легкие и крикнуть что есть мочи: «Никакие, к черту, не „мы“! Это я, лично я дожала его! Это моя, и только моя заслуга!» Но в команде, конечно, не бывает никакого «я».

— Ладно. Тара, Эндрю, Сэмюэль, не могли бы вы пройти в переговорную на несколько минут? — произносит Адам и увлекает нас троих за собой в маленькую комнату с разноцветными стенами.

Здесь разбросаны мягкие пуфы, много журналов, есть телевизор и большой круглый ковер из «ИКЕИ». Считается, что атмосфера этой комнаты способствует появлению новых идей. Именно здесь собирается

так называемая креативная группа и делает вид, что работает. Ее участники сидят тут и часами смотрят телепередачи, читают книги и журналы, просматривают горячие новостные сюжеты — это должно наталкивать их на свежие идеи для телевизионных шоу. В группу входят всего три человека, и главный тут Сэм. Но за последние два года только одна из их идей попала на экраны, в то время как я работаю уже над своим пятым шоу... Хотя это совсем не важно.

Я откровенно боюсь таких совещаний, ведь в ходе подобных разговоров мне приходится иметь дело с тремя мужчинами, а значит, с мужским эго в кубе. Каждый из них понимает, что я — настоящий ас в своем деле, но не может преодолеть себя, чтобы открыто признать это. Эндрю руководит отделом выпуска ТВ-шоу, Сэмюэль — глава креативной группы, а Адам — наш босс. Говорят, что на телевидении рулят в основном мужчины, и это, в общем-то, чистая правда. С другой стороны, это странно, ведь на телевидении трудится уйма женщин, и многие из них занимают довольно высокие должности. Но вся фишка в том, что, когда дело доходит до цифр, тенденция становится очевидной: женщина может посмотреть шоу, ориентированное на мужчин, а вот мужчина никогда не станет смотреть программу, если она слишком женская. Поэтому, если содержание скорее мужское, чем женское, продюсеры не упустят возможности получить внимание так называемой футбольной аудитории. Еще задолго до выхода в эфир первой передачи они не устают повторять: «То, что нравится женщинам, не так важно, как то, что интересно мужчинам». Этот сексистский подход главенствует

по обе стороны камеры. Он цветет пышным цветом и здесь, в офисе нашей телекомпании.

Мы рассаживаемся по мягким ярким пуфикам. И тут мои штаны из искусственной кожи издают очень подозрительный звук.

Каждый из присутствующих, естественно, понимает, что именно произвело этот звук, но некий дух сомнения в воздухе все-таки начинает витать. Все смотрят на меня в надежде, что я покраснею от смущения или начну для отвлечения внимания сбивчиво нести какую-нибудь чушь. Ненадолго в комнате воцаряется тишина. Но к духу сомнения никаких подозрительных ароматов не примешивается, и Адаму ничего не остается, как начать совещание.

— Ну, так... Хотя нет, подождите. Сначала давайте закажем кофе! — говорит он и вызывает Бью, свою личную помощницу.

Я знала, что Адам так сделает: он использует любой шанс, чтобы показать мне лишний раз, кто тут самый главный. И это — один из классических номеров на данную тему.

— Принеси нам, пожалуйста, три чашки кофе и воду, — бросает он, как только Бью показывается на пороге переговорной.

На ней юбка, чуть более короткая, чем принято носить в офисе, и белая тонкая блузка, сквозь которую проглядывает розовый лифчик.

— Давай, давай! — подгоняет он Бью, чтобы выполнить все по заранее продуманному сценарию, то есть вытаращиться на ее задницу, а потом, как только за ней закроется дверь, издать несколько странных одобрительных звуков. Далее следует «Уф-ф!» и тихое «Ну как работать в таких